

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И ЗАЩИТА ПРАВ АКЦИОНЕРОВ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

(«КРУГЛЫЙ СТОЛ» ОРГАНИЗОВАН ЖУРНАЛОМ «РЫНОК ЦЕННЫХ БУМАГ» И КОМИТЕТОМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО СОБСТВЕННОСТИ 15 АПРЕЛЯ 2005 Г.)

ПРОБЛЕМА КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОСОБЕННО АКТУАЛЬНА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, ТАК КАК НЕСОВЕРШЕНСТВО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА ИСПОЛЬЗУЕТСЯ ДЛЯ ЗАХВАТОВ ПРЕДПРИЯТИЙ, НАРУШАЮТСЯ ПРАВА МИНОРИТАРНЫХ АКЦИОНЕРОВ, ОТСУТСТВУЕТ ПОЛНОЦЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ХОЛДИНГАХ И О РЕОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ. В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РФ БЫЛ ПРИНЯТ В ПЕРВОМ ЧТЕНИИ ЗАКОНОПРОЕКТ О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ», КОТОРЫЙ ПОСЛУЖИТ НАЧАЛОМ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА В РФ.

Виктор Плескачевский

председатель Комитета по собственности ГД РФ, разработчик законопроекта о внесении изменений в федеральный закон «Об акционерных обществах»

В развитых странах корпоративное право формировалось столетиями, в то время как в России закон об акционерных обществах появился более 10 лет назад. Более развитая «саксонская» модель корпоративного права включает нормы, большинство из которых представляют обычаи делового оборота, или так называемый Кодекс корпоративного поведения. Однако у нас нет того времени в истории, которое позволило бы ждать появления цивилизованного корпоративного права. В настоящее время в России пользуются «макетными» законами по различным сегментам регулирования финансовых рынков. На сегодняшний день существует некое разрозненное законодательство, в котором пытаются стыковать ценные бумаги как инструмент оборота, с одной стороны, и как титул собственности, с другой.

Не происходит никаких системных изменений, совершенствования, и по-прежнему права миноритариев остаются нарушенными, продолжают захватываться. Несколько лет назад самыми большими «виновниками» проблемы захвата предприятий были пробелы в законодательстве о банкротстве. После закрытия этой «дырки» все агрессивные поглощатели стали использовать недостатки российского корпоративного права, и сегодня нарабатаны многочисленные схемы захватов, вплоть до самых примитивных. Например, у предприятия, не ведущего реестр акционеров у независимого регистратора, в выходные дни уничтожается реестр и переписывается новый. На основании косвенных доказательств принимается решение суда, удостоверяющее последний реестр надлежащим.

Корпоративное право описывает отношения между крупными/мелкими инвесторами и акционерами, акционерами и менеджментом, акционерами и потребителями. Важно определить баланс в этих

парных отношениях. Например, у «саксонской» модели права планка в отношении акционеров и менеджмента сдвинута в сторону менеджмента, что отражает приоритетность интересов компании перед интересами каждого акционера.

Итак, **первая проблема корпоративного права** в России заключается в том, что сегодня не сформирована модель балансировки отношений между различными группами лиц. В настоящий момент у российских миноритарных акционеров прав больше, чем у акционеров в других странах, но, поскольку права искажены, их недостает все равно. Акционер имеет право обращаться с иском к предприятию по защите своих имущественных интересов. Но, *во-первых*, не имеет никакого отношения к имуществу предприятия и является по отношению к компании третьим лицом; а *во-вторых*, нарушает интересы остальных акционеров. При этом нигде в мире не практикуется не платить дивиденды. Если иностранная публичная компания выплачивает 20, 30, а то и 40% текущей прибыли, то в России на

Виктор Плескачевский

Участники «круглого стола»

выплату дивидендов идет ничтожно малая часть прибыли. Некоторые российские компании обуславливают свою позицию тем, что акционеры появились в период ваучерной приватизации и платили за акции не деньгами, а «бумажками».

Вторая проблема корпоративного права исходит из того, что во всем мире его развитие идет по пути дематериализации акций, в то время как в России изначально законом установлено, что акция, по сути, нематериальная. Поскольку в мире до сегодняшнего дня не решена проблема защиты права собственности на нематериальный объект с точки зрения основных механизмов уголовного и административного права, то оказывается, что Россия, сделав в свое время очень серьезный шаг, огибая «завитки» истории и всякие разные тупиковые варианты, тем не менее пришла к проблеме. Права на акции хранятся в реестре, который законодательно описан как вещь, следовательно, важно, как описаны в нем отношения собственности и в каком месте хранится реестр. Хотя очевидно, ведение реестра — это оказание услуги, и в лучшем случае реестр — это информация двух видов.

Третья проблема российского корпоративного права: существует только одна форма преобразования государст-

венного предприятия в унитарное, т. е. в акционерное общество. В результате появился некий суррогат — закрытое акционерное общество, которое не совсем общество с ограниченной ответственностью и в то же время не совсем публичное общество. В Германии, которая ближе к российской корпоративной культуре, чем США, насчитывается всего 900 публичных обществ, торгующих на бирже, и каждое из них становилось публичным только с одной целью — привлечь капитал, т. е. разместить акции на бирже. В настоящий момент в России зарегистрированы 157 тыс. так называемых публичных компаний. Некоторые из них раньше были, допустим, привокзальными ресторанчиками в структуре МПС, а сегодня стали открытыми акционерными обществами. Возникает необходимость изменить правовую организацию данных предприятий, например постепенно повысить требования по раскрытию информации для того, чтобы часть из них преобразовалась в ООО, но с учетом изменений в законодательстве об открытых акционерных обществах.

Основное направление деятельности в разработке системы корпоративного права — жесточайшая борьба со всеми формами, методами агрессивного поглощения с помощью детализации права,

и прежде всего через четкое установление правил заключения договора с регистратором и правил его расторжения, потому что неопределенность при расторжении или заключении способствует злоупотреблениям. Презюмируется, что лицо, отвечающее за реестр, — это регистратор, однако очевидно, что у регистратора не хватит капитала для того, чтобы покрыть свои риски, связанные с ведением реестра, например РАО «ЕЭС России».

Можно построить систему взаимоотношений таким образом, чтобы эмитент непосредственно нес ответственность: не имея права вести реестр самостоятельно, но при этом сохраняя публичный интерес, он выбирает из всех возможных регистраторов наиболее надежного на его взгляд. Оптимальным условием хранения реестра служит требование к регистратору с определенной периодичностью, например раз в месяц, передавать информацию о структуре реестра и о перечне операций по эмитенту. В случае возникновения спора, кто является надлежащим регистратором, всегда есть предыдущий реестр, который никто не оспаривает. Условия сделок, совершенных в промежутках, восстанавливаются при предъявлении соответствующих документов новому регистратору.

Самвел Караханян, Вадим Клейнер, Александр Семенов

Роман Болотовский

Неточность баланса между миноритарными и мажоритарными акционерами приводит не только к нарушению прав, но и к злоупотреблению правами. В 98% случаев агрессивных захватов все начинается с иска миноритарного акционера в защиту своих имущественных интересов. Миноритарий может арестовать право голосовать. Сегодня такой способ входит в основу огромного числа механизмов, с помощью которых миноритарный акционер может заблокировать пакет (допустим, в 40%) перед собранием акционеров, если у него «хорошие отношения» с судом. Что будет происходить на собрании акционеров без учета 40%-ного пакета и какие решения там могут быть приняты, догадаться не сложно.

Другой вариант — блокирование имущества. Все помнят примечательную сделку ЛУКОЙЛа, когда один из миноритарных акционеров обратился с иском в защиту имущественных интересов к компании. В итоге была арестована внешне-экономическая сделка ЛУКОЙЛа. Компания попала на тенушие огромные штрафы и была вынуждена отказаться от сделки. Вместе с тем нарушение прав миноритариев выражается в вытеснении их держателями крупных пакетов.

Нередко это происходит не из-за злоупотреблений, а в целях защиты своего бизнеса. Крупные компании, боясь потерять свои дочерние компании, переходят на единую акцию.

В настоящее время инвестиционные фонды оказались в жесточайших условиях. Они вынуждены осуществлять заработок текущего дохода за счет перепродаж на рынке акций и курсовой разницы, в отличие от мировой практики получения стабильного дохода на акцию в форме дивиденда. Стимулирование выплаты дивидендов возможно с помощью форм понуждения и стимулирования. Норма понуждения может быть следующей: во всех случаях общество выплачивает дивиденды, допустим, не менее 10% или установленной величины от текущей прибыли за исключением случаев, когда против этого проголосовало 75% плюс 1 акция. У нас дивиденд облагается налогом с двух сторон — источника и получателя, в результате этот вид дохода облагается по завышенной ставке. Стимулирование дивидендов можно осуществить за счет выравнивания налогообложения дивидендов по отношению к иным видам доходов.

Итак, если сегодня стимулировать выплату дивидендов, то повысится уровень

требований к публичным компаниям. Компаниям придется выбирать.

Роман Болотовский

поверенный по правовым вопросам «Вимм-Биль-Данна»

В настоящий момент законодательство пытается отреагировать на экономическую потребность. Это уже не тот случай, когда мы пытались соответствовать умозрительной модели. Мы обсуждаем те проблемы, которые хотели бы решить. Если общество нуждается в притоке инвестиций, оно организует свою деятельность таким образом, чтобы минимизировать различные злоупотребления менеджеров, регистраторов. Конфликт возникает там, где общество не готово к работе с качественными профессиональными инвесторами, не мечтает о фондовых рынках и заемных средствах и ни в ком не заинтересовано, кроме собственного самодостаточного предприятия. Необходимо исправлять сложившуюся диспропорцию, вытеснить из сферы публичного капитала, открытых акционерных обществ те предприятия, которые экономически де-факто таковыми не являются и не хотят таковыми быть. Вместе с тем проблема защиты прав минорита-

Вадим Клейнер

риев должна также развиваться не менее активно, но в рамках параллельного процесса и применительно к тем обществам, которые экономически нуждаются в наличии таких миноритариев.

Вадим Клейнер

директор по корпоративным исследованиям
Hermitage Capital

Необходимо продолжать бороться, как это совершенно правильно делает Комитет по собственности, с теми недостатками, которые существуют в судебной системе. Вероятно, следует ввести какой-то механизм сдерживания и противовесов в отношении судов, чтобы таким образом снизить возможность коррумпированных решений. Однако это не означает, что для решения проблемы коррупции судебной системы необходимо отменить те права, которые гарантированы акционерам, либо потребителям, либо третьим лицам существующим законодательством. На настоящий момент в стране весьма много миноритарных акционеров. Только в 3 ведущих компаниях их число приближается к 1 млн, а в целом, по разным оценкам, их около 7–10 млн. Для того чтобы их права были защищены, мы не должны принимать за-

Макс Гутброд, Алексей Саватюгин

коны, позволяющие вытеснять акционеров, как это предлагается в первом чтении законопроекта о внесении изменений в закон «Об акционерных обществах».

Такие фонды, как *Hermitage*, являются активными акционерами и защищают свои права и права прочих акционеров, когда они нарушаются. Это происходит тогда, когда нарушается основной принцип фондового рынка, который заключается в том, что каждый акционер должен получать на 1% владения акцией 1% экономических выгод от этого предприятия. Основная проблема большинства акционерных обществ состоит в том, что последние 10 лет мажоритарный акционер этих акционерных обществ «забирал себе» подавляющую часть прибыли, т. е. гораздо большую долю, чем его доля владения компаниями. Предлагая вытеснить миноритарных акционеров сегодня, тем самым мы даем мажоритарному акционеру индульгенцию за все то, что он делал в предыдущие годы. Акционеры должны получать выгоду пропорционально своему владению, т. е. контролирующий акционер должен нести наказание за вывод прибыли этой компании. Тогда он будет платить дивиденды, чтобы получить свою долю доходов и акции компании будут расти в цене. Именно эту проблему и надо решать.

Решение проблемы недобросовестного поведения контролирующего акционера с помощью стимулирования и принуждения выплат дивидендов не выглядит оптимальным. Так уж принято на фондовом рынке, что выплата дивидендов не является обязательной, по крайней мере, по обыкновенным акциям, дивиденды обязательны только по привилегированным акциям. Привилегированные акции — специальный инструмент, от которого акционеры или инвесторы ожидают дивидендов. И действительно, в отношении этих ценных бумаг можно было бы прописать право принуждения выплаты дивидендов. Что же касается дивидендов на обыкновенные акции, то можно привести в качестве примеров десятки западных компаний, которые вообще никогда не платили дивидендов. Например, компания «Майкрософт» до 2003 г. не платила дивидендов и тем не менее стала самой крупной компанией в мире.

Говоря о российской проблеме, важно понимать, что суть ее заключается именно в том, что основной акционер зачастую выводит всю прибыль компании. Какой бы уровень дивидендов не зафиксировать в законе — 10, 20, 150, 300%, умноженные на ноль, останутся нулем.

Поэтому никакие дивиденды не помогут акционерам, пока прибыль исчезает из компании.

Макс Гутброд

партнер *Baker & McKenzie*

Единственной целью реформирования в корпоративном праве служит эффективность работы компаний. Например, в Америке был очень популярен листинг, особенно среди немецких компаний. Со временем компании стали к нему относиться осторожно, когда поняли, что делистинг практически невозможно осуществить при наличии более 300 акционеров. В России сложно осуществить реорганизацию. В связи с многочисленными правами миноритарных акционеров, которые мешают деятельности компаний, в том числе осуществлению реорганизации, закрытые компании будут очень осторожно относиться к переходу в публичные. Что касается российской коррумпированности и трудности оценки выкупаемого пакета акций, мне кажется, что самая хорошая защита — нападение. Поэтому не следует избегать ситуаций оценивания, а необходимо накапливать опыт с оценками. В целом инициатива вытеснения совершенно уместна, она отвечает международной практике и потребностям российских реалий.

Говоря о праве на дивиденды, следует заметить, что, *во-первых*, дивиденды зависят от прибыли, прибыль — от бухучета. Старый российский бухучет не очень реальный, новый не очень понятный, поэтому связывать много прав с прибылью очень рискованно. *Во-вторых*, немаловажен подход к налогообложению в корпоративном праве: Из-за отсутствия специального режима, регулирующего холдинги в России, дочерние компании могут быть намного прибыльнее материнской компании. Следовательно, для достижения реальности прибыли необходимо было бы формировать право на прибыль группы компаний, что кажется нереальным.

Алексей Саватогин, Александр Колаников

Александр Семенов

корпоративный секретарь АФК «Система»

Конфликт между мажоритарными и миноритарными акционерами, как правило имеет в основе объективный конфликт интересов. В поиске баланса интересов в настоящий момент чаша весов склоняется в сторону большей защиты прав и интересов мажоритарного акционера. Это касается создания холдинговых компаний, регулирования проблем, возникающих при осуществлении сделок с заинтересованностью, а также некоторого сокращения прав миноритарных акционеров в области получения информации. Все это оправдано, так как действующие нормы становятся препятствием развитию бизнеса и способствуют развитию корпоративного шантажа. Но при этом необходимо задуматься о том, чем усиление прав мажоритарных акционеров будет компенсировано миноритариям.

Основное право акционера, как мажоритарного, так и миноритарного, — право собственности на акции, основной способ реализации этих прав — возможность эти акции продать. Сегодня в большинстве компаний, акции которых не ко-

тируются, миноритарные акционеры такого права лишены. Следует задуматься о том, чтобы у миноритарного акционера была возможность выйти из общества, продать свои акции, например из-за того, что он не доволен тем, как реализуется управление данной компании, особенно если оно реализуется в пользу мажоритарных акционеров. Например, для решения проблем дивидендных выплат можно вместо принудительной выплаты дивидендов сформулировать право акционеров требовать принудительного выкупа обществом принадлежащих ему акций в случае, если общее собрание не приняло решение о выплате дивидендов. Или можно вводить некоторый обязательный период, в течение которого любой акционер акционерного общества, акции которого не котируются на фондовом рынке, может потребовать от общества принудительного выкупа принадлежащих ему акций.

В сегодняшней редакции Закона «Об акционерных обществах» существует огромное количество несоответствий, несочетаний, противоречий. Например, существует противоречие в вопросе о том, в каких случаях акционер имеет право требовать выкупа акций при крупных сделках. Не определено, какие акции вы-

Александр Семенов, Кирилл Ратников

читаются при избрании ревизионной комиссии: бывших членов совета директоров или тех, кого выбирают. И так далее. Некоторые нормы нашего законодательства, на мой взгляд, благоприятствуют корпоративным захватам. Например, в Ч. III ГК РФ содержится положение о том, что в случае, когда акционер умер, а наследник еще не вступил в права наследования, нотариус может по своему усмотрению выбрать и передать акции в доверительное управление любому лицу. Вот таких относительно мелких «дыр» и несоответствий в действующем законодательстве очень много. Необходимо провести системную инвентаризацию законодательства, выявить и устранить эти несоответствия.

Для построения системы цивилизованного корпоративного управления не достаточно придумывать новые нормы закона. Следует встраивать в практику корпоративных правоотношений специальные механизмы, препятствующие, не допускающие совершения нарушений действующего законодательства. Я имею в виду деятельность специализированных регистраторов. Например, обязательное участие специализированного регистратора в составе счетной комиссии общих собраний акционеров — и очередных, и внеочередных, а также осуществление рассылки уве-

домлений о предстоящих общих собраниях только через регистратора привело бы к существенному сокращению пустых конвертов или других нарушений порядка созыва собрания. Обязанность регистратора отказать от внесения записи в реестр без представления ему в установленных случаях разрешительных документов ФАС; при несоблюдении приоритетного права иных акционеров в случае продажи акций третьему лицу в ЗАО; при приобретении эммитентом на баланс более 10% от размещенных акций и т. д. позволила бы сократить правонарушения. Таким образом, регистратор должен стать агентом государства по контролю и предотвращению нарушений корпоративного законодательства.

Конечно, при этом следует усилить контроль деятельности регистратора и ответственность регистраторов, вплоть до уголовной.

Кирилл Ратников

партнер СМС Cameron McKenna, один из членов международного консорциума, подготовившего Кодекс корпоративного поведения, канд. юрид. наук

В настоящий момент существует две превалирующие модели поглощения компаний. *Первая* из них — покупка бизнеса

по справедливой рыночной цене, как предусмотрено законодательством. *Вторая* — покупка с помощью «серых» схем, когда бизнес продается «под ключ» специализирующейся на захватах командой заказчика, который выступает якобы добросовестным приобретателем акций. Реже реализуются схемы с банкротством. Во втором случае всегда используется «административный ресурс». Как отмечалось на парламентских слушаниях в прошлом году, стоимость захвата по второй модели составляет в среднем годовую выручку компании — цели поглощения.

Мне кажется, что с помощью детализации законодательства можно затруднить использование второй модели. При этом, скорее всего, данный процесс вряд ли можно остановить, так как будут появляться более совершенные формы передела и поглощения бизнеса, и захватчики будут «креативить».

Что касается конкретных поправок, включая в закон «Об акционерных обществах», то наиболее приоритетным направлением, на мой взгляд, является детализация законодательства о регистраторах и реестрах, а также детализация норм, связанных с регулированием добросовестности приобретения акций. Другое направление — введение в процессуальные кодексы нормы, согласно которой все дела против эммитента рассматриваются по месту его регистрации. Данная норма соответствует мировому опыту. Последствие ее принятия — снижение количества абсурдных исков миноритарных акционеров.

Отдельный вопрос — реальная борьба государства с системной коррупцией. Ее уже много лет не наблюдается.

Алексей Иванов

старший юрист — руководитель направления правового сопровождения проектов и бизнесов КЭС

Хотелось бы высказать некоторые замечания по тексту и концепции законопроекта о внесении изменений в закон

«Об акционерных обществах», а также поговорить о конфликтах, которые имеют фундаментальное значение для существования акционерного общества, в частности о конфликте интересов мажоритарных и миноритарных акционеров.

В праве устоялась позиция, что и миноритарный, и мажоритарный акционеры имеют собственный интерес в деятельности акционерного общества и вправе претендовать на их удовлетворение.

Надо понимать, что в российском контексте миноритарные акционеры возникли в ходе весьма своеобразных социальных процессов — приватизации. Приватизация, как бы мы к ней не относились, — это состоявшийся факт нашего социального развития. Ее цель заключалась в том, чтобы распределить инструменты имущественного обогащения среди максимально широкого круга лиц, т. е. дать им возможность получить некоторое экономическое влияние, источник дохода от созданного за десятилетия советского периода достояния. Для этих целей был использован механизм акционирования. Во всех западных правовых системах акционерное общество использовалось для концентрации капитала, в то время как в российском законодательстве — для распыления. Но это свершившийся факт, и им нельзя пренебрегать при разработке законодательных инициатив.

Предложенный законопроект существенно меняет экономическую конфигурацию отношений собственности в стране, т. е. можно сказать, что это другая ценностная ориентировка, другая ценностная посылка в конструировании законодательства.

Нынешняя экономическая конфигурация заключается в том, что, вступая в общество, миноритарный акционер учитывает наличие определенного набора прав, которые он планирует реализовать в длительной перспективе. Если бы он знал о том, что у мажоритарного акционера есть средство, с помощью которого можно избавиться от любого миноритарного акционера с небольшим пакетом, возможно, он

Алексей Иванов

не вступил бы в это общество и не купил бы этот пакет акций. В настоящее время достаточно много миноритарных акционеров, и в случае принятия законопроекта они могут оказаться совсем в других правовых реалиях: их могут принудить избавиться от акций по так называемой справедливой цене, формируемой в результате проведенной оценки независимым оценщиком, которого привлекает мажоритарный акционер. В общем, в этом и заключается существенное изменение сложившихся экономических отношений. Такое изменение экономической конфигурации умаляет экономическую основу деятельности одних участников рынка, другим же дает дополнительные возможности. По сути, это вмешательство государства в сложившийся экономический оборот. Принятие рассматриваемого закона будет тем юридически значимым документом, с помощью которого мажоритарный акционер получит право лишать акционерных прав прочих акционеров. Такое вмешательство государства, очевидно, должно быть обусловлено защитой значительных социальных ценностей. На мой взгляд, таких четких значимых ценностей, которые могли бы обосновать указанное изменение существующей экономической конфигурации, в основу законопроекта не положено.

А это не совсем отвечает той конституционной посылке Конституционного суда РФ, согласно которой лишение прав акционеров всегда должно быть связано с какой-то социальной целью или важным, значимым процессом.

Например, Европейская директива о поглощениях устанавливает логически завершенную схему поглощения. Поглотитель, который смог в результате поглощения приобрести пакет в 90% акций общества, получает по завершении основного этапа поглощения право в ограниченный временной отрезок приобрести оставшийся пакет у прочих акционеров. Причем цена приобретения должна быть не ниже самой высокой цены, которая сложилась при поглощении. Если поглотитель не воспользовался своей возможностью, то по истечении указанного срока он теряет право на понуждение к приобретению акций прочих акционеров. Рассматриваемый проект называет приобретателем субъекта, уже владеющего 90% плюс 1 акция, т. е. речь идет о некоей статичной ситуации, а не о процессе. Так, мажоритарный акционер может длительное время сотрудничать с миноритарными, а в какой-то момент взять и неожиданно вытеснить их без предварительных мероприятий по поглощению. Незавершенность критериев аффилированности в российском праве может привести к нестабильности оборота в предложенной проектом схеме, поскольку проект предусматривает возникновение права на выкуп у мажоритарного акционера в случае владения 90% акций мажором совместно с аффилированными лицами. Понятно, что аффилированные связи, учитывая формулировки современного российского законодательства, могут возникать довольно неожиданно для прочих участников оборота. Таким образом, право мажоритарного акционера на выкуп может оказаться полной неожиданностью для миноров.

Позитивный способ разрешения корпоративных конфликтов, на мой взгляд, — задействовать категорию общего корпоративного интереса акционеров. Мажор-

Панос Лабропулос, Леонид Акимов

ритарные и миноритарные акционеры так или иначе имеют общий интерес в развитии акционерного общества. Законодательство признает общий интерес акционеров, и для его реализации существует различные корпоративные конструкции, например, независимые и действующие добросовестно органы управления, в том числе и совет директоров, который в поддержании общего корпоративного интереса играет важную роль. На сегодняшний день, к сожалению, этот инструмент работает довольно неэффективно. Существует судебная практика, по которой реально зависимые лица в органах управления признаются судами независимыми по формальным критериям. Недостатком является неопределенность понятия аффилированности. Как отмечается в Кодексе корпоративного поведения, независимость предполагает отсутствие возможности влияния на суждения и принятие решений. Это очень высокая планка требований, и, наверное, применительно к независимым директорам целесообразно изменить законодательство и стремиться к ее достижению. Очевидно, что законодатель как социальный арбитр должен стремиться нивелировать любые формы злоупотреблений, не ставить во главе угла интересы той или иной кон-

фликтующей группы, а, наоборот, стимулировать партнерские отношения, основанные на компромиссе интересов и достижении общего блага.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что данный проект федерального закона, вероятнее всего, потребует существенной коррекции и редакции, для того чтобы действительно соответствовать концепции российского законодательства, заложенной российской Конституцией.

Леонид Акимов

заместитель начальника управления общественных связей, взаимодействий и координаций ФСФР

Будет не совсем правильно пытаться решить все проблемы и противоречия, существующие в области корпоративных отношений, за счет внесения изменений только в закон об акционерных обществах. И тем более эти системные проблемы не могут быть решены внесением отдельных положений, направленных на защиту тех или иных групп акционеров.

Задача законодательства об акционерных обществах (как комплекса норм прежде всего регулятивного характера) — сделать существование интересов

различных групп акционеров в рамках одного общества ясным, понятным и безконфликтным, определить положениями, не допускающими множественного толкования и соответственно не позволяющими их использовать для злоупотреблений, принципы таких взаимоотношений и реализации акционерами своих прав. Закон — это не инструкция по делопроизводству в акционерном обществе, прописывающая, куда и как ходить акционеру, что в руки брать, какой конверт с какими открытками друг другу посылать. Мы ничего не добьемся детализацией отдельных процедур и большим объемом закона.

Задачу совершенствования механизмов защиты прав акционеров необходимо реализовывать с помощью внесения изменений не в закон «Об акционерных обществах», а преимущественно в законы, направленные на реализацию правоохранительной функции.

Не секрет, что процессуальные возможности и материально-техническое обеспечение государственных органов, призванных обеспечивать функционирование указанной системы, нередко не позволяют реализовать потенциал законодательства. Анализ практики деятельности акционерных обществ по теме нашего «круглого стола» показал, что несовершенство процессуального законодательства, определяющего порядок судопроизводства (гражданского, административного, уголовного), исполнения судебных решений и т. д., в большей степени оказывает негативное влияние, чем несовершенство корпоративного законодательства. И в этой части процессуальное законодательство требует более серьезного внимания и совершенствования. А разрешение проблемы несовершенства одной группы законодательства (направленного на реализацию правоохранительной функции) за счет внесения отдельных изменений в закон об акционерных обществах — путь тупиковый, приводящий к еще большей неразберихе и злоупотреблениям. ■